

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Кадровая школа без кадров

Третий Интернационал и подготовка руководящих работников для компартий Латинской Америки

В статье исследована история учебных заведений Коминтерна, задачей которых была подготовка кадров для левого движения Латинской Америки.

Ключевые слова: Международная ленинская школа, Коминтерн, кадровая политика, левое движение.

Перед Коминтерном как единой *всемирной* партией остро стояла задача воспитания руководящих кадров национальных секций в духе большевизма — в «интересах быстрого становления коммунистических партий как партий нового типа, их идейно-политического и организационного укрепления». Как отмечали видные исследователи международного левого движения Г.З.Соркин и К.К.Шириня, в воспитательной работе III Интернационала принимали активное участие все его уставные институты: конгрессы, пленумы, региональные конференции, центральные органы Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ), региональные секретариаты и т.д., что позволяло вовлекать широкий круг партийных кадров в обсуждение важнейших политических вопросов. Серьезную роль в системе воспитания интернациональных партийных кадров играла сеть международных учебных заведений, работавшая под руководством ИККИ и включавшая Международную ленинскую школу (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и др.¹

Большевистская партия начала готовить специалистов еще в годы гражданской войны, и в первую очередь эту задачу следовало решать на окраинах Советской России. Для этого была создана сеть коммунистических вузов. Ведущим учебным заведением на первом этапе работы стал основанный в апреле 1921 г. КУТВ, призванный готовить кадры партийных и со-

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений СПбГУ, профессор ГУАП (ilaranspb@hotmail.com); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

ветских работников для «договорных и автономных республик, трудовых коммун и национальных меньшинств»². Первый ректор КУТВ, заместитель наркома национальностей Г.Бройдо считал необходимым выработать для трудящихся других стран такой тип советской власти, который соответствовал бы особенностям быта и историческим условиям конкретного народа и подготовить «сознательных коммунистов, теоретиков марксизма, революционных вождей»³.

После создания в университете в конце 1922 г. иногруппы, задачи КУТВ значительно расширились: он стал готовить работников для компартий стран, относившихся по классификации III Интернационала к колониям и полуколониям. Тем не менее дефицит воспитанных в духе марксизма руководящих кадров существовал не только там. Даже в массовых и влиятельных партиях ощущалась нехватка функционеров разного уровня, владевших теорией марксизма и теоретическими познаниями в целом и разбиравшихся в вопросах партийного строительства. И все же, прежде всего, эта проблема остро стояла перед молодыми компартиями востока и Латинской Америки, не имевшими традиций организованного рабочего движения. Генсек Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, РСМ) Рафаэль Каррильо, к примеру, прочел Манифест коммунистической партии в Москве, хотя к тому времени уже пару лет возглавлял Федерацию коммунистической молодежи (Federación de Jóvenes Comunistas de México, FJCM) и входил в ЦК партии⁴. При этом в РСМ он пользовался репутацией довольно подкованного политика.

Учитывая эту ситуацию, на IV конгрессе Коминтерна принято решение «с целью углубления марксистского воспитания и практического коммунистического образования» для членов различных секций Коммунистического интернационала организовать международные подготовительные курсы, которые стали бы вершиной пирамиды системы партийных школ национальных секций⁵. Эта идея не реализовалась сразу и была конкретизирована на V конгрессе. На нем было принято решение — с целью удовлетворить потребность, в первую очередь крупных партий в квалифицированных кадрах, — командировать от Коминтерна ряд партработников немецкой, английской, американской, чехословацкой, итальянской, французской и других секций в Москву, где они должны были изучить марксистско-ленинские теорию и практику⁶. Решение дало импульс созданию МЛШ, которая стала самой престижной из трех основных кадровых школ Коминтерна. Последний набор студентов, представлявших легальные компартии, включая латиноамериканские, прошел в 1936 г.⁷.

9 октября 1924 г. оргбюро ИККИ приняло решение организовать двухгодичные высшие международные курсы на 40 человек. В 1925 г. число слушателей увеличилось до 70, из них от Германии — 9, Франции и Англии — по 8, Чехословакии и США — по 7, Италии — 6, скандинавских стран — 9, Польши, Японии, Китая, Индии, Египта, Голландской Индии — по 2, Австрии, Бельгии, Испании, Голландии, Югославии, Болгарии, Турции, Ирана, Сирии, Северной Африки — по 1 слушателю. На Латинскую Америку квот выделено не было, что свидетельствует о ее маргинальном на тот момент положении в восприятии руководства III Интернационала⁸.

Постановление VI расширенного пленума исполкома Коминтерна (февраль-март 1926 г.) положило начало практической работе по созданию

Международных ленинских курсов, призванных, по словам одного из руководителей III Интернационала Белы Куна, воспитать руководителей, «по-ленински, по-большевистски понимающих характер, противоречия современной исторической эпохи, способных разобраться в конкретной исторической обстановке своей страны и умеющих диалектически отличать всеобщее, приемлемое для всех стран в опыте русской революции от специфически русского». При этом он подчеркивал, что только тогда большевизация компартий приобретет по собой прочную почву⁹. Работа школы началась в марте 1926 г.¹⁰.

Отбор в кадровую школу Коминтерна был строгим: слушателем мог стать активист с партийным стажем не менее года, имеющий отношение к окружным, региональным и центральным руководящим кадрам. Предпочтение отдавалось рабочим крупных предприятий или сельхозработникам. У партии была квота, и она не имела права направлять в школу более 15% — от этой квоты — студентов, не являющихся рабочими (интеллектуалов, служащих, крестьян).

Кандидаты в студенты МЛШ должны были продемонстрировать свою активную роль в революционном движении (организация забастовок, демонстраций и т.п.) или профсоюзной работе. Студенты, не являвшиеся рабочими, должны были принимать участие в борьбе партии против оппортунизма. В школу не брали коммунистов, не проявивших достаточную революционную твердость после выхода из тюрьмы, обвиненных в провокаторстве, показавших слабость в полиции и на суде, участников фракционной борьбы против Коминтерна и его секций. Требования к уровню грамотности были невысоки: умение читать и писать¹¹, способность к обучению и знания в области современной политики¹².

Политинформация в школе давалась дозированно: студентам запрещалось получать газеты и политическую литературу. В результате они не обладали информацией непосредственно из других стран и были вынуждены довольствоваться сведениями, прошедшими коминтерновскую цензуру. Категорически запрещался приезд в МЛШ членов семей студентов. Студенты не имели права сообщать кому-либо, включая родных и близких, об учебе в школе. Партии должны были отправлять студентов на обучение конспиративно, а для большей секретности учащимся давали псевдонимы.

Представитель от коммунистического движения Латинской Америки был направлен на учебу в Москву летом 1926 г. Ответственный секретарь секретариата испаноязычных стран ИККИ П.Тольятти предложил южноамериканскому секретариату со штабом в Буэнос-Айресе командировать одного слушателя на подготовительный курс и самому выбрать, какую партию он будет представлять¹³. Делегат Коммунистической партии Аргентины (Partido Comunista de Argentina, PCA) ИККИ В.Кодовилья выдвинул в качестве кандидата аргентинца Антонио Кантора¹⁴. Секретарь Южноамериканского секретариата Коминтерна (ЮАСКИ) (Secretariado Sudamericano de la Comintern (SSAIC) Хосе Пенелон и генсек PCA Педро Ромо согласились с выбором, и Кантор как делегат Федерации коммунистической молодежи Аргентины (Federación de las Juventudes Comunistas de Argentina, FJCA) отправился на пленум ИККИМ¹⁵.

Стоит отметить, что секретариат испаноязычных стран дважды обсуждал кандидатура Кантора и в конечном итоге высказался против его работы

в аппарате ИККИМ, но разрешил приехать на учебу в МЛШ с условием, что он за два-три месяца выучит немецкий язык. В ноябре 1926 г. Кантор был переведен в ВКП(б), а в Аргентину вернулся в конце 1928 г., став членом ЦК РСА¹⁶. Судьба первого латиноамериканца в МЛШ демонстрировала замысел Коминтерна: обучать в Москве молодых коммунистов, чтобы затем те становились руководителями в своих партиях.

В следующем наборе МЛШ Латинскую Америку представляли несколько студентов: аргентинец Соломон Элгер (Видадь), колумбиец Гильермо Эрнандес Родригес (Гильен), венесуэлка Кармен Фортуль (Касерес), бразилец Эйтор Феррейра Лима (Сильва), уругваец Карлос Имас (Лорис). Вместе с ними в школу был принят американский коммунист Джон Зак (Касс), впоследствии сыгравший важную роль в создании компартий Колумбии и Венесуэлы¹⁷. Решение об их зачислении на курсы свидетельствовало о большем интересе Коминтерна к Латинской Америке после VI конгресса (1928 г.)¹⁸. В 1928 г. группу латиноамериканцев дополнили колумбиец Диего Мехия (Родригес), мексиканец Хавьер Герреро (Перес), уругваец Хильберто Чиappaпьятра (Агиляр), а еще через год — аргентинцы Альфредо Кеведо (Хуарес) и Х.Каджиано (Руис), бразильцы Жозе Лаго (Гонсалес), Григорий Березин (Гришин)¹⁹.

После VI конгресса латиноамериканский лендер-секретариат потребовал от высшего руководства Коминтерна уделить больше внимания подготовке кадров для компартий региона. С учетом того, что политический рост компартий не поспевал за эволюцией революционного движения Латинской Америки, секретариат предлагал увеличить число студентов МЛШ до 20 человек²⁰. ИККИ пошел навстречу, и с 1929 г. в КУТВ проходили курсы на испанском языке для 60 латиноамериканцев²¹, также была увеличена латиноамериканская квота в МЛШ²².

Принятые решения отвечали плану, появившимся в ИККИ после VI конгресса, на котором одним из приоритетных направлений деятельности III Интернационала была признана работа с *колониальными* странами. Разработанный в восточном секретариате ИККИ проект предусматривал расширение масштабов деятельности КУТВ, который предлагалось переименовать в Коммунистический университет трудящихся восточных колониальных и полуколониальных стран им. И.В.Сталина. Обучение было решено специализировать по регионам, для чего были созданы 11 секторов: японско-корейский (150—200 человек), китайский (250—300 человек), центральноазиатский (Монголия, Тува, Синцзян, Тибет), тихоокеанский (Австралия, Новая Зеландия, Гавайи, Фиджи, Самоа, Каледония), индо-ма-лайский (Филиппины, Малайские острова, Индокитай, Сиам), индийский (250—300 человек), афгано-персидский, турецкий, арабский (100 человек), негритянский (150 человек), латиноамериканский (100 человек). При этом сохранялся восточно-советский сектор (400 человек). По замыслу авторов проекта, с целью эффективного усвоения марксистско-ленинской теории, а также принимая во внимание отсутствие переводов основополагающих трудов на языки колониальных народов и дефицит преподавателей, владеющих этими языками, срок обучения в университете следовало увеличить до четырех лет. Для подготовки кадров из стран, переживавших предреволюционную ситуацию, таких, как Китай или Индия, и низовых работников отсталых государств предлагалось организовать двухгодичные

курсы, а для стран с непосредственно революционной ситуацией — краткосрочные девятимесячные курсы²³.

В 1929—1931 гг. в КУТВ обучались десять латиноамериканских студентов. Почему же эта кадровая школа, созданная в 1921 г. для студентов из восточных республик СССР и колониальных стран востока, включая Японию, принимала на учебу студентов из Латинской Америки? Это можно объяснить тем, что латиноамериканские страны расценивались Москвой как полуколониальные. По той же причине в КУТВ учились американские негры — представители «угнетенных национальностей» — и южноафриканские коммунисты.

Амбициозные планы восточного секретариата так и не были претворены в жизнь. Не реализовались и те возможности, что были открыты для Латинской Америки на основании решений 1928—1929 гг.: за время действия программы не удалось добиться стопроцентного выполнения квоты, выделенной Латинской Америке²⁴, чему есть несколько причин. Во-первых, малочисленность партий и трудности при отборе кандидатов, отвечающих критериям Коминтерна. Во-вторых, финансовые проблемы латиноамериканских партий. В-третьих, создание при ЮАСКИ континентальной партийной школы, что делало нерациональным направление большого количества людей в Москву. К примеру, группа венесуэльских коммунистов в Панаме, получив приглашение на учебу в МЛШ для двух представителей и в КУТВ — для трех, выбрала только одного делегата — Э.Бальбино Акосту²⁵.

Курсы МЛШ были призваны решать сугубо утилитарные задачи по повышению квалификации руководящих партработников: их познания следовало подкрепить теорией марксизма-ленинизма и опытом борьбы в других странах. В рамках курса изучались мировая экономика, стратегические и тактические проблемы Коминтерна, организационно-политический опыт ВКП(б) в подготовке и осуществлении пролетарской революции, а также в использовании диктатуры пролетариата в интересах трудящихся СССР на благо победы «труда над капиталом» во всем мире.

Следует отметить, что специалистов по Латинской Америке в Коминтерне можно было пересчитать по пальцам, к тому же они практически не говорили по-испански, что серьезно осложняло их контакт с латиноамериканскими студентами. Ситуация стала меняться в начале 1930-х, после реорганизации аппарата ИККИ, когда под руководством Г.Б.Скалова (Синани) начала формироваться отечественная марксистская школа латиноамериканистики. Сам Скалов, назначенный заместителем заведующего латиноамериканским лендер-секретариатом ИККИ и фактически возглавивший это направление работы Коминтерна, преподавал в МЛШ, одновременно возглавляя кафедру Южной и Центральной Америки Института востоковедения им. Н.Нариманова. В то время в Москву вернулись сотрудники ЮАСКИ М.С.Хаскин (Морис), Н.Я.Тульчинская (Инесса), высланный из Мексики Ю.И.Розовский (Хулио Гомес). Работу в аппарате Коминтерна и Профинтерна они совмещали с преподаванием в МЛШ. К ним присоединились выпускники Института красной профессуры (ИКП) В.М.Мирошевский, назначенный заведующим сектором лендер-секретариата, и вернувшаяся после командировки в торгпредство СССР в Буэнос-Айресе А.М.Александрова-Иткина, попеременно возглавлявшие латиноамерикан-

ский кружок сектора «Л» МЛШ²⁶, а также Н.Н.Майорский, некоторое время руководивший сектором, С.Е.Щукин (Лоренц), в обязанности которого в лендер-секретариате входила работа с латиноамериканской группой МЛШ.

Профессором кафедры партийного строительства был Э.Воог, много лет занимавшийся проблемами Латинской Америки в ИККИ. В группу преподавателей сектора «Л» также вошли работавший в ИКП и КУТВ Г.М.Якобсон и И.Г.Марков из Международного аграрного института (МАИ). В школе работали реэмигранты из Южной Америки: Ф.Г.Вайнер, бывший заместителем руководителя сектора «Л», секретарь сектора Х.А.Хазан, преподаватель кафедры иностранных языков Х.Кораль-Ясельман²⁷. Функции переводчиков выполняли преподаватели и сотрудники других учреждений. Почти никто из них не был профессиональным лингвистом, язык они выучили за годы, проведенные в эмиграции²⁸.

Г.Б.Скалов стал одной из первых жертв волны репрессий в Коминтерне, после чего начавший формироваться в аппарате ИККИ и МЛШ коллектив специалистов по Латинской Америке распался, последовали кадровые перестановки. Многие преподаватели оценивались руководством сектора неудовлетворительно: большинство из них практически ничего не знали о латиноамериканских странах, к тому же не могли сконцентрироваться на работе в МЛШ, так как трудились там по совместительству. Кадровый «голод» и постоянная ротация сотрудников негативно сказывались на работе школы.

Важнейшим элементом обучения партийных кадров в преддверии «мировой революции» в Коминтерне считали военную подготовку. Ректор КУНМЗ М.Я.Фрумкина, оценивая учебный процесс в университете, отмечала, что все кадры, проходящие подготовку в КУНМЗ, являются особыми резервами Красной армии и Коминтерна и должны быть готовы в любой момент приступить к работе на соответствующих участках²⁹.

Десятки иностранных компартий направляли своих представителей на учебу в военных учебных заведениях СССР. Самое известное из них — Военная академия им. М.В.Фрунзе, которая принимала в качестве курсантов членов нелегальных компартий из капиталистических стран, прежде всего из Болгарии (с 1924 г.), Германии (с 1933 г.) и Испании (с 1937 г.)³⁰. По имеющимся данным, в академии учился лишь один латиноамериканец — студент МЛШ кубинец Рамон Николау Гонсалес (Хусто Риос), но вскоре после начала учебы он был вызван на родину Коммунистической партией Кубы (Partido Comunista de Cuba, РСС) в связи с августовской революцией 1933 г. против диктатуры Мачадо³¹.

В ходе подготовки бразильского восстания Национально-освободительного альянса (Aliança Nacional Libertadora, ANL) 1935 г. была организована специальная группа для изучения опыта партийного, военного и советского строительства в Китае. В нее входили выпускники МЛШ бразильцы С.де Мейрельес и Ж.М.де Соуса, кубинец П.Мешкоп. В школе Отдела международной связи ИККИ учились студенты МЛШ итальянцы Б.Марони (РСА) и А.Локателли, американец В.А.Баррон. Активную роль в подготовке восстания сыграла выпускница Военно-воздушной академии немка Ольга Бенарио³².

В процессе отправки кандидатов в учебные заведения Коминтерна чиновники ИККИ, зная, что у партий и ЮАСКИ нет возможности оплачивать поездки, вовремя не перечисляли средства³³, а зачастую даже не информи-

ровали о дате отъезда. Запаздывала также информация о количестве мест, выделенных для Латинской Америки, и распределении по странам³⁴. Кандидаты нередко выезжали в Москву и жили там в ожидании вызова, не имея достаточно средств.

В аппарате ИККИ, как и в самих партиях, не были удовлетворены организацией набора латиноамериканских студентов. Латиноамериканский лендер-секретариат констатировал опоздания слушателей из Латинской Америки к началу занятий, что затрудняло нормальный ход учебного процесса и влекло за собой продление срока пребывания студентов в Москве. Коминтерновские чиновники указывали на частое невыполнение партиями требования о социальном составе студентов, настаивая на необходимости направлять на учебу прежде всего рабочих крупных предприятий основных отраслей промышленности. Имелись в виду шахтеры (Чили, Перу, Боливия, Бразилия), нефтяники (Перу, Аргентина), рабочие мясохладобоеен (Аргентина, Уругвай), портовые рабочие (Аргентина, Уругвай, Бразилия, Чили, Перу), текстильщики, железнодорожники, сельхозработчие (для всех стран).

С учетом высокой доли индейцев и негров в этнорасовом составе жителей южноамериканских стран руководство ИККИ считало необходимым направлять в московские партшколы коммунистов, принадлежащих к этим этнорасовым группам, — с целью подготовки кадров по работе с угнетенными национальностями.

Латиноамериканский лендер-секретариат требовал присылать на учебу молодых коммунистов и женщин-рабочих, считая, что их роль в революционном движении постоянно растет. И если с молодежью эта проблема решалась сравнительно легко (процент молодых в партиях был высок), с женщинами дело обстояло хуже. С начала 30-х годов ИККИ увеличил квоту для латиноамериканцев и при этом стал жестко следить за соотношением мужчин и женщин и наличием индейцев среди кандидатов³⁵. В латиноамериканских секциях III Интернационала процесс отбора кандидатов на учебу в Москве нередко сопровождался внутривнутрипартийными конфликтами. Во-первых, считалось, что подготовка в коминтерновской партшколе и опыт работы в структурах ИККИ открывали выпускникам дорогу к высшим постам в партиях. А, во-вторых, сама возможность несколько лет провести на родине большевиков была мечтой многих.

В период кризиса Коммунистической партии Парагвая (Partido Comunista del Paraguay, РСР) Л.Ибаррола, отстраненный от руководства РСР при прямом вмешательстве Кодовильи, считал отправку в Москву на учебу сына нового генсека партии М.Баэса капризом секретаря ЮАСКИ, а не решением партии. Бывший лидер партии обвинял младшего Баэса в отсутствии коммунистических убеждений, близких отношениях с буржуазной молодежью и презрении к беднякам³⁶.

Организационные и финансовые трудности, сопровождавшие наборы, заставляли задуматься о создании системы партийного образования непосредственно в Латинской Америке. Особенно актуальной эта задача стала после Первой континентальной конференции компартий (Буэнос-Айрес, 1929 г.). Признавая растущее значение Латинской Америки для мирового революционного движения, политсекретариат ИККИ решил усилить работу Коминтерна на континенте. Москва высказалась за создание в Латин-

ской Америке руководящего центра, одной из приоритетных задач которого должно было стать формирование на континенте партшколы³⁷.

Латиноамериканские левые имели опыт обучения рабочего актива, полученный в ходе студенческой борьбы за университетскую реформу. Реформаторское движение в ряде стран региона было тесно связано с рабочими и профсоюзными движениями, что перуанский писатель и мыслитель Х.К.Мариатеги рассматривал как одно из свидетельств глубокого обновления Латинской Америки. Этот союз породил идею «народных университетов» (*Universidades Populares*), в которых молодые интеллигенты вместе с рабочими изучали прогрессивные идеи и применяли свои знания во благо пролетариата, обеспечивая его «интеллектуальным руководством». Символично, что университетам, открытым в Перу и на Кубе, присвоили имена перуанского общественного деятеля и публициста М.Гонсалеса Прады и борца за независимость Кубы Х.Марти³⁸. Эти учебные заведения не были школами подготовки партийных кадров, но именно там многие известные деятели рабочего движения впервые приобщились к революционной теории³⁹. Преподаватели народных университетов принимали активное участие в создании РСС, Коммунистической партии Перу (*Partido Comunista del Perú, PCP*) и Американского народно-революционного альянса (*Alianza Popular Revolucionaria de las Américas, APRA*), участвовали в деятельности других партий. Отдельные партии пытались создавать национальные партшколы. Первой это сделала Коммунистическая партия Эквадора (*Partido Comunista del Ecuador, PCE*), организовавшая в Кито Ленинскую школу марксистско-ленинского образования и национальной экономики. Главной задачей партшколы была подготовка активистов РСС «к нынешней борьбе и завтрашнему социалистическому строительству»⁴⁰.

В 1929 г. в ИККИ был разработан план создания партийной школы непосредственно в Латинской Америке для «воспитания руководящего рабочего партактива, цель которого — заменить часть интеллигентского мелкобуржуазного руководства компартии Латинской Америки». Для формирования учебного центра в Буэнос-Айрес был направлен работник ИККИ австриец Фриц Глаубауф, ставший инструктором партшколы ЮАСКИ. Процесс их создания с самого начала был сопряжен с трудностями. Главной проблемой стал переворот, приведший к власти генерала Хосе Феликса Урибуру (1930—1932), после которого ЮАСКИ был вынужден перебазироваться в Монтевидео, где и начала действовать континентальная партшкола. Судя по тому, что в документах архива Коминтерна ее деятельность практически не отражена, масштабы ее работы были незначительны.

Такое положение вещей не устраивало Коминтерн, особенно если учесть, что компартии заметно активизировались. Через два года латиноамериканский лендер-секретариат вернулся к старой идее, при этом значительно модифицировав ее. В.Кодовилья предложил создать три школы: в Уругвае (для Уругвая, Аргентины, Чили, Боливии, Перу, Парагвая), в Бразилии (для Коммунистической партии Бразилии (*Partido Comunista Brasileiro, PCB*) и в США (для Эквадора, Колумбии, Венесуэлы, Центральной Америки, Кубы и Мексики). Правда, и этому плану не было суждено осуществиться. Через некоторое время партшкола была образована в Сантьяго, в ней обучались чилийцы, бразильцы, перуанцы, парагвайцы и боли-

вийцы. Но в 1935 г. после ареста преподавателей и слушателей и начала судебного расследования школа была закрыта⁴¹.

После 1931 г. в Москву прибыли около сотни латиноамериканцев, что свидетельствовало о большом внимании, которое Коминтерн начал уделять Латинской Америке. Следует отметить, что в целом сектор подготовки кадров (не только латиноамериканских) в те годы сильно разросся, и лишь в 1935—1936 г. работа была свернута⁴².

Если рассмотреть количество студентов из латиноамериканских стран, то мы увидим, что распределение более или менее соответствовало положению компартии в той или иной стране. На первом месте находилась группа кубинцев (23 студента), затем шли аргентинцы (15), далее — мексиканцы (14), бразильцы (11), колумбийцы (9), уругвайцы (7), венесуэльцы (6) и перуанцы (4), а в самом конце — Парагвай, Панама, Чили, Эквадор, Сальвадор и Гондурас (по одному студенту от страны)⁴³.

Вопрос об эффективности системы подготовки кадров в Коминтерне остается открытым. Выполнили ли латиноамериканские выпускники задачи, которые перед ними ставились? Нам представляется, что положительный эффект от кадровых школ для компартий переоценен. Принимая во внимание тот факт, что студенты в период обучения в Москве становились членами ВКП(б) и являлись, по крайней мере до 1929 г., свидетелями внутривластной борьбы и последовательного уничтожения оппозиционных тенденций, можно предположить, что МЛШ и КУТВ были не только кузницами кадров, но и «фабриками диссидентов». Примеры успешной партийной карьеры соседствуют с историями исключения из партии. Что в конечном итоге МЛШ дала латиноамериканскому коммунистическому движению? По статистическим данным можно выделить некоторые тенденции, но, учитывая, что о многих из выпускников нет данных, составить более или менее объективное представление невозможно. В школе обучались четыре лидера партий: А.Перейра (Бразилия), Э.Лаборде (Мексика), Э.Равинес (Перу), Р.Паредес (Эквадор). Позже все они по разным причинам были сняты с постов, а первые трое — исключены из партий.

Вернулись на партийные посты или были избраны после окончания школы членами Политбюро ЦК — два человека, кандидатом в члены ПБ — один, секретарями ЦК — три, членами ЦК — два, кандидатом в члены ЦК — один, членом ЦК Коммунистического союза молодежи (КСМ) — один человек. Р.Гусман был избран генсеком Конфедерации трудящихся Коста-Рики (*Confederación de Trabajadores de Costa Rica*, СТСР). Кубинец П.Мешкоп после возвращения из Москвы возглавил партийную школу РСС. Пятеро выпускников заняли посты генеральных секретарей партий: Х.Арнедо Альварес (РСА), Э.Феррейра Лима (РСВ), Г.Эрнандес Родригес и И.Торрес Хиральдо (Коммунистическая партия Колумбии (*Partido Comunista de Colombia*, РСС), Н.Террерос (РСР). Арнедо Альварес возглавлял РСА 42 года, остальные долго не продержались, а Эрнандес Родригес, Террерос и Феррейра Лима даже были исключены из партий.

13 выпускников МЛШ были исключены из партий, а мексиканец Эвелио Бадильо (Педро Арапос) подвергся репрессиям в СССР и почти 20 лет провел в лагерях⁴⁴. Он — единственный латиноамериканец, если не считать тех, кто получил советское гражданство, ставший жертвой НКВД. Двое выпускников МЛШ стали лидерами отколовшихся от компартий ор-

ганизаций: кубинец С.Хунко и венесуэлец Э.Мачадо. Бразилец Мариу Педроса в 1930-е годы присоединился к троцкистской оппозиции в Бразилии.

В СССР остались двое аргентинцев: Педро Лосс, женившийся на Дарье Кравченко и после участия в Гражданской войне в Испании работавший в советском авиапроме, и Хорхе Пас, исключенный из МЛШ и партии в 1931 г. На два года задержался в Москве также воевавший в Испании кубинец Рубен Кальдеро, брат генсека РСС Бласа Роки, женившийся на Авроре Бессмертной, дочери реэмигранта из Аргентины.

Итак, большинство учившихся в Москве так и не вошли в высшее руководство партий, сведений об их дальнейшей карьере крайне мало. Активистам компартий не удалось расширить кадровую «скамейку запасных» левого движения в своих странах, не была и выполнена главная задача — подготовка теоретически и практически подкованных руководящих кадров. Очевидно, это обстоятельство стало одной из причин прекращения работы Коминтерна на этом направлении. В 1938 г. МЛШ была закрыта. Обучение в ней прошли более ста представителей латиноамериканского коммунистического движения⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г.З.Соркин, К.К.Шириня. Коминтерн — школа интернационалистского воспитания кадров. — Вопросы истории КПСС. 1977, №1, с. 70; Н.Н.Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1925). — Народы Азии и Африки. 1976, № 2; Н.Н.Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1926—1938). — Народы Азии и Африки, 1979, № 5.

² Известия ЦК РКП(б), 1921, № 31, с. 12.

³ Г.Бройд. Коммунистический университет трудящихся Востока. — Жизнь национальностей, 1921, № 11. — Цит. по: А.А.Сokolov. Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических вузах СССР. 20—30-е годы. (Историко-политический очерк). М., 1998, с. 14.

⁴ R.Carrillo. Memoria roja de los años veinte. El testimonio de Rafael Carrillo. — Memoria. México, 1992, № 92, p. 52—59.

⁵ Деятельность коммунистических партий в области воспитания. Постановление IV конгресса Коминтерна. — Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, с. 336—337.

⁶ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет, ч. II. Л., 1925, с. 101.

⁷ Решение Секретариата ИККИ 15 августа 1936 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 1109; V.Lazitch. Les écoles de cadres du Comintern. — Contributions à l'histoire du Comintern. Genève, 1965, p. 233—257; L.Babitschenko. Die Kadenschulung der Komintern. — Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung, Vol. 93, p. 37—59.

⁸ Постановление Оргбюро ИККИ. 9 октября 1924 г. — РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 1, л. 24. — Цит. по: Вопросы истории КПСС, 1977, № 1, с. 75.

⁹ Записка Б.Куна в Президиум ИККИ. 3 октября 1925 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 69, л. 1. — Цит. по: Вопросы истории КПСС, 1977, № 1, с. 75.

¹⁰ Г.М.Адибеков, Э.Н.Шахназарова, К.К.Шириня. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997, с. 127—128.

¹¹ Рабочими языками в МЛШ первоначально были французский, английский, немецкий и русский. Если речь шла об обучении не на родном языке, это свидетельствовало о достаточно высоком уровне знаний. В конце 1920-х годов требования к грамотности студентов были резко снижены ввиду кампании по «пролетаризации» партий. Чтение архивных документов, автобиографий, в частности, показывает весьма невысокий уровень грамотности. Нередко для понимания смысла написанного надо прочесть его вслух: так много в тексте орфографических ошибок, затрудняющих понимание.

¹² На местах эти требования еще больше снижались. Так, например, секретарь ЮАСКИ, напоминая перуанским коммунистам о возможности направить в Москву представителя, указывал: он «должен быть рабочим или крестьянином, владеющим четырьмя простейшими арифметическими действиями и обладающим проверенным революционным духом. Он должен быть здоров (перемена климата может повредить здоровью) и ему должно быть от 20 до 55 лет». — Письмо В.Кодовилья Р.Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 6, л. 11.

¹³ Письмо Эрколи (П.Тольятти) в ЮАСКИ. Москва, 11 июня 1926 г. Ф. 503, оп. 1, д. 7, л. 2.

¹⁴ Главным препятствием для утверждения кандидатуры Кантора было незнание им языков, на которых велось преподавание в МЛШ, но Кодовилья сумел убедить П.Тольятти и администрацию школы в том, что Кантор, родившийся в России и знавший идиш, сумеет быстро подготовиться и пройти курс на немецком языке. В ИККИ понимали трудности латиноамериканских компартий, не имевших в своих рядах достаточного количества людей, в совершенстве владевших языками, указанными в условиях приема. — Письмо Эрколи (П.Тольятти) Секретариату аргентинской компартии. Москва, 6 июля 1926 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 134, д. 77, л. 144. Испанский язык стал языком обучения только в 30-е годы, когда в школе был создан сектор «Л» для подготовки кадров испанской и латиноамериканских партий.

¹⁵ Письмо Педро Ромо, генерального секретаря КПА товарищам из Исполнительного комитета К.И. Буэнос-Айрес, 23 июля 1926 г. Д. 78, л. 100; Личное дело Антонио Кантора. — Там же. Оп. 190, д. 35; Дела по переводу в ВКП(б). — Там же. Ф. 17, оп. 98, д. 830, л. 1—4.

¹⁶ Из личного дела Антонио Кантора.

¹⁷ H.Ferreira Lima. Caminhos Percorridos. Memoria de militância. S.l., 1982, p. 81.

¹⁸ Ж.Эмбер-Дро подчеркивал необходимость «сделать специальное усилие в отношении Латинской Америки, где существуют большие возможности для развития нашего движения, но имеется множество идеологической путаницы. Куба, Колумбия, Эквадор, Бразилия, Чили, Мексика, Парагвай особенно важны». Цит. по письму Латинского секретариата ИККИ в Восточный университет. Москва, 26 июня 1928 г. РГАСПИ, ф. 495, оп. 32, д. 35, л. 209.

¹⁹ Списки студентов с 1926 по 1931 г. — Там же, ф. 531, оп. 1, д. 31, л. 7—33.

²⁰ Письмо Латиноамериканского секретариата (Гарланди) в Политическую комиссию ИККИ. Москва, 25 января 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 112, л. 31.

²¹ ЮАСКИ поручалось подобрать по два кандидата на учебу в Аргентине, Бразилии, Чили, Парагвае и одного в Уругвае, мексиканской компартии было доверено найти подходящих людей на Кубе (2), в Колумбии (3), Гватемале (1), Венесуэле (1), Гондурасе (1), Никарагуа (1), Сальвадоре (1). Сама РСМ должна была выделить трех кандидатов в КУТВ. РСЕ предлагалось решить вопрос об одном студенте самостоятельно. Из Боливии персонально приглашался живший в Мексике Тристан Мароф. Достоверно известно только об одиннадцати студентах КУТВ из Латинской Америки: парагвайце Серхио Баэсе (Лапин), аргентинце Умберто Соларо (Ольмедов), эквадорцах Хосе Альваро (Габатти), Густаво Сальгадо, Хосе Москосо (Дюмоль), Фелисио Бруно, Хункейро (Гайон), бразильцах Карлосе Аугусто да Силве (Лунин) и Руссильдо Магальяесе (Лесов), уругвайце Бруно Бонилье (Акимов), сальвадорце Акилино Салинасе Мартинесе (Кортес) и направлении на учебу члена РСУ Шенкмана. КУТВ закончила (но не по линии латиноамериканских компартий) и работала секретарем университета М.А.Фортус. Доступные нам документы подтверждают факт учебы в КУТВ только трех эквадорцев, о которых докладывал Рикардо Паредес: «Четыре товарища, члена С.П., получили стипендии для учебы в Восточном университете. Эти товарищи уже выехали из Эквадора и посещают первые занятия в университете». — Телеграмма Р.Паредеса Э.Терану. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 67, д. 1, л. 42; Письмо ЦС ЭСП, секции III Коммунистического Интернационала товарищу генеральному секретарю III Коммунистического Интернационала. Кито, 9 февраля 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 67, д. 8, л. 7.

²² Доклад делегации РСМ (М. Диас Рамирес) на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Мехико, 20 ноября 1928 г. — Там же, оп. 108, д. 83, л. 19; Письмо Бертрама Д. Вольфа (Латиноамериканский лендер-секретариат) руководству МЛШ. 17 апреля 1929 г. — Там же, оп. 79, д. 65, л. 1—2.

²³ В некоторых партиях в связи с острым дефицитом кадров к срокам учебы в Москве своих членов относились вполне прагматически, считая возможным сократить обучение до минимума. Главная задача все равно решалась: престиж партии повышался наличием в ней кадров, подготовленных в центре международного коммунистического движения. А недостаток теоретических знаний предполагалось компенсировать предварительной подготовкой

на местах, в ходе практической работы и за счет самоподготовки. Как писал Р.Паредес, «мы считаем, что одного года хватит для подготовки товарищей для нашей борьбы, ибо нам прежде всего нужны активисты, если даже у них не будет глубокой подготовки, они ее приобретут со временем». Цит. по письму ЦК СПЭ, секции КИ генеральному секретарю Латинской секции КИ Кито, 10 августа 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 67, д. 8, л. 57 об.; Письмо ЦС ЭСП, секции III Коммунистического Интернационала генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна. Кито, 20 июля 1929 г. — Там же, л. 54.

²⁴ Руководство РСМ с недоумением писало в ЮАСКИ, что, несмотря на невозможность для партии выполнить квоту для учебы в МЛШ и КУТВ, выделенную ей в прошлом году, план на 1930 г. был увеличен, и это не идет на пользу партии, а наносит ей серьезный вред. Генсек партии Эрнан Лаборде требовал от ЮАСКИ объяснений противоречий между директивными органами Коминтерна, считая одной из причин недоразумений «отсутствие внимания к этому делу со стороны Южноамериканского секретариата». — Письмо генерального секретаря РСМ Э.Лаборде в Южноамериканский секретариат. Мехико, 15 августа 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 131, л. 84. Показателен факт, что целый ряд партий за весь период функционирования МЛШ так и не выбрал годичной квоты за 1931 г. (время увеличения числа студентов школы): от Коммунистической партии Боливии (Partido Comunista de Bolivia, РСВ), к примеру, требовали направить двух студентов (в том числе одного индейца), от Коммунистической партии Чили (Partido Comunista de Chile, РСЧ — четверых (в том числе одного индейца)). — Письмо Лагиноамериканского секретариата ИККИ в Южноамериканское бюро ИККИ (июнь 1931 г.). — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 153, л. 54.

²⁵ Письмо Э.Бальбино Акости Г.Мачадо. Панама, 17 июля 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 116, д. 6, л. 18.

²⁶ Клубовая форма организации учебной работы позволяла, по мнению руководителей МЛШ, углубленно изучать проблемы региона. Сектор «Л» в 1936 г. был разбит на шесть кружков: пять испанско-португальских и один латиноамериканский. — Состав сектора «Л». Записка заведующего сектором «Л» Л.Михайлова. 19 февраля 1936 г. — Там же. Л. 16.

²⁷ Подробнее см.: L.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. La Internacional Comunista y América Latina, 1991—1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

²⁸ Состав сектора «Л». Записка заведующего сектором «Л» Л.Михайлова. 19 февраля 1936 г. — РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 185, л. 16.

²⁹ Письмо М.Фрумкиной Пятницкому, Мануильскому, Кнорину, Краевскому. 12 февраля 1935 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 20, д. 862, л. 7.

³⁰ Испанцев было не меньше 35 человек, среди них Энрике Листер, Хуан Модесто, Валентин Гонсалес (Эль Кампесино) и Мануэль Тагуэнья Лакорте.

³¹ Под псевдонимом «Эстебан» он был включен в состав секретариата и политбюро РСС (17.12.1933) и назначен ответственным за военную работу партии, руководителем Освободительной армии (1934). Позднее возглавил набор кубинских добровольцев в Интернациональные бригады во время гражданской войны в Испании. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 230, д. 15. Личное дело. См. также: El militante comunista. La Habana. 1985, p. 160.

³² См. L.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. Op. cit.

³³ Серьезным препятствием своевременной отправки кандидатов в Москву была многоступенчатая система информирования и финансирования партий Коминтерном. Показательным примером является ситуация с эквадорскими студентами: Р.Паредес договорился в Москве о выделении эквадорской секции 800 долл. до конца 1928 г. и ежемесячных выплатах с 1929 г. Когда партия получила 800 долл., в ЦК посчитали, что речь шла о деньгах, обещанных для четырех стипендиатов КУТВ. Через месяц из Берлина была получена новая телеграмма, гласившая: «Получите через дядю в Буэнос-Айресе необходимое на поездку учеников». Поняв под «дядей» В.Кодовилью, РСЕ запросила Южноамериканский секретариат, получил ли он эти деньги, однако секретарь ЮАСКИ ответил, что ему ничего неизвестно. — Письмо ЦК СПЭ, секции КИ генеральному секретарю Латинской секции КИ Кито, 10 августа 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 67, д. 8, л. 57 об. Подпольной РСМ Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ направляет информацию о необходимости послать семь человек на учебу, сообщая, что подробные инструкции та получит от ЮАСКИ из Буэнос-Айреса. Не получив в июне указаний о порядке отправки своих людей, которые должны были в августе приехать в Москву, руководство партии просит ЦИК компартии США разъяснить ситуацию и выделить средства (1050 долл.) на поездку мексиканских студентов в Москву. — Письмо генерального секретаря РСМ Э.Лаборде Южноамериканскому секретариату КИ Мехико, 17 июня 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 131, л. 76.

³⁴ Почти в каждом письме ЮАСКИ в Москву звучит обеспокоенность: «у нас нет информации о том, сколько мест было выделено Латинской Америке, сколько мест выделено каждой стране и даты отправления учащихся. Мы надеемся вскоре получить точные сообщения, и если вы еще не сделали этого на момент получения данного письма, мы просим вас сделать это тотчас же». — Письмо Кодовильи в Латинский секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 5 сентября 1928 г. — РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 38.

³⁵ Письмо Латиноамериканского секретариата К.И. Южноамериканскому бюро К.И. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 153, л. 54. Студентов-индейцев должны были делегировать компартии Бразилии, Чили, Боливии, Перу и Эквадора. По нашим данным, за все время существования МЛШ из женщин в ней учились только венесуэлка Кармен Фортуль, (Касерес, 1928), кубинки Кармен Грандио Леаль (Александра, 1937) и Бела Роса Акоста Фернандес (Ольга, 1937), бразильянки Эресинья Боржес де Соуза (Эмерсон, 1933), Женни Глейзер (Анита Родригес, 1937), Клотильда Престес (1934–1936) и аргентинка Ракель Левенсон.

³⁶ Письмо Лукаса Э. Ибарролы в Коминтерн 12 апреля 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 36; Письмо Л.Э.Ибарролы в секретариат Коминтерна. Асунсьон, январь 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, лл. 25–27. Ни в одном из писем Ибаррола не называет фамилии этого человека.

³⁷ Предложения Латиноамериканского секретариата касательно работы в Латинской Америке. 2 августа 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 66, лл. 37–38.

³⁸ Х.К.М а р и а т е г и. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 159–160, 164. Цит. по: Ю.П.Г а в р и к о в. Совесть Перу. М., 1987, с. 21. Народный университет им. Гонсалеса Прады был создан В.Р.Айя-де-ла-Торре в Лиме в 1921 г., Народный университет им. Хосе Марти основан Х.А.Мельей в 1923 г.

³⁹ J.P o r t o c a r r e t o. Sindicalismo peruano. Primer etapa. 1911–1930, S.l., 1987, p. 87–92.

⁴⁰ Письмо №121 Центрального совета Эквадорской социалистической партии, секции III, Коммунистического Интернационала генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна. Кито, 20 июля 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 67, д. 8, лл. 53–53 об. Письмо ЦК СПЭ, секции КИ генеральному секретарю Латинской секции КИ. Кито, 10 августа 1929 г, л. 57 об.

⁴¹ F.G l a u f b a u f. Mon travail a l'ecole d'Arcueil du Parti Comuniste Français. — Cahiers d'histoire de l'Institut Maurice Thorez. 1974, №7, p.154.

⁴² См.: J.K ö s t e n b e r g e r. Der deutsche Sektor an der KUNMZ in Moskau (1921–1936). Wien 1999, págs. 59–61; см. также: J.K ö s t e n b e r g e r. Die Geschichte der Kommunistischen Universität der nationalen Minderheiten des Westens (KUNMZ) in Moskau 1921–1936. — Jahrbuch für historische Kommunismusforschung 2000/2001 (2001), pp. 248–303. Самый большой набор латиноамериканцев в МЛШ (22 студента) в 1936 г. оказался последним. (Справка отдела кадров МЛШ (Волков) ССС ИККИ (Мюллеру). 25.XI-36 г. — РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 185, л. 18.

⁴³ См. личное дело С.Баэсы (РГАСПИ, ф. 495, оп. 250, д. 16). Некоторые латиноамериканские страны, такие как Никарагуа и Боливия, не направили ни одного студента.

⁴⁴ Дело началось с «написания троцкистского лозунга» в туалете, а закончилось обвинением в участии вместе с Мешковской (техническим секретарем Латиноамериканского ледер-секретариата ИККИ) в деятельности террористической группы. — Записка Стеллы Благоевой 28 августа 1936 г. — РГАСПИ. Ф. 531, оп. 1, д. 185, л. 12.

⁴⁵ Удалось идентифицировать 98 латиноамериканских слушателей МЛШ. Однако имеются сведения еще по меньшей мере о 14 студентах сектора «Л» (в нем обучались латиноамериканцы), известных пока только по псевдонимам. Так как иногда у иностранных коммунистов, приезжавших в Москву, было несколько партийных кличек, возможно, что кто-то из них уже входит в этот первоначальный список.